

М. А. Безнин, Т. М. Димони

О подходах в изучении высших социальных классов российской деревни 1930–1980-х гг.: дефиниции «протобуржуазия» и «менеджеры»

Статья подготовлена при финансовой поддержке РГНФ, проект 14-01-00341

«Социальные отношения в российской деревне 1930–1980-х гг. и их интерпретация в уровнях общественного сознания»

Статья посвящена осмыслению подходов к описанию «высших» социальных классов колхозно-совхозной деревни – «протобуржуазия» и «менеджеры». В основу вычленения предлагаемых дефиниций положено место данных социальных классов в отношениях собственности, формирующихся в ходе государственной капитализации российского села 1930–1980-х гг. Данная концептуальная схема (капитализации сельского хозяйства России) разработана авторами текста в ходе предшествующих исследований. В статье анализируются основные историографические, социологические, экономические, управленческие схемы советской, постсоветской и зарубежной историографии в описании новых социальных категорий деревни. В статье использованы работы Д. Белла, Д. Бернхем, М. С. Восленского, М. Джиласа, П. Друкера, Т. И. Заславской, К. Маркса, Т. Парсонса, Э. О. Райта, П. Сорокина, Л. Троцкого, Ф. Энгельса и др. Авторы считают, что применение новых дефиниций для характеристики высших социальных классов колхозно-совхозной деревни позволит исторической науке под новым углом зрения разрешать вопросы характеристики социально-экономического строя России советского периода.

Ключевые слова: социальные классы, историография, российская деревня, капитализация, колхозы, совхозы, протобуржуазия, менеджеры, исторические дефиниции.

М. А. Beznin, T. M. Dimoni

About Approaches in Studying of the Highest Social Classes of the Russian Village in 1930–1980-s: Definitions "Protobourgeoisie" and "Managers"

The paper considers the approaches to the "higher" social classes collective and state farms of the village – "protoburzhuziia" and «managers». The basis of the isolation of the proposed definitions laid place these social classes in property relations formed in the state of capitalization of the Russian village in 1930–1980s. This conceptual scheme (the capitalization of agriculture in Russia) developed by the authors of the text in the previous studies. The article analyzes the main historiographical, sociological, economic, administrative schemes Soviet, post-Soviet and foreign historians to describe new social categories of the village. The article draws on the work of D. Bell, D. Bernham, M. S. Voslensky, M. Djilas, P. Drucker, T. I. Zaslavskaya, K. Marx, T. Parsons, E. O. Wright, P. Sorokin, L. Trotsky, F. Engels, etc. The authors believe that the use of new definitions for the characteristics of higher social classes collective and state farms of the village will allow historical science from a new angle to resolve issues of socio-economic characteristics of the Russian system of the Soviet period.

Keywords: social classes, historiography, the Russian village, capitalization, collective farms, state farms, protoburzhuziia, managers, historical definition.

Одним из самых масштабных событий в России XX в. был гигантский социальный переворот, когда крестьянское население полностью утратило все основные социально-классовые признаки крестьянства. Основной период раскрестьянивания и формирования новых социальных классов охватывает шестидесятилетие 1930–1980-х гг. Этот процесс экономически детерминирован и связан с победой аграрного капитализма в российской деревне [2]. На наш взгляд, раскрестьянивание – достаточно типичное для мировой истории явление – в России произошло в специфических условиях государственной капитализации деревни.

Советские историки и обществоведы, описывая процесс трансформации села 1930–1980-х гг., пришли к выводам о стирании еще в 1930-е гг. существенных различий между социальными прослойками внутри крестьянства, существовавшими до конца 1920-х гг., и «вызревании» крестьянства новой формации. Их анализ социальной структуры сельского населения также показал наличие класса «сельского пролетариата (рабочих совхозов)» и сельской интеллигенции. В целом советское обществоведение делало вывод об устранении коренного отличия крестьянства и рабочего класса, стирании существенных различий между ними и постепенном сближении

[1; 8; 10; 11; 20; 28, 29; 30; 33; 36; 39]. В течение 1960–1970-х гг. активность в изучении колхозного крестьянства нарастала, формулировались отличительные критерии этого класса. Однако советская наука испытывала значительные трудности в дефинициях категории «колхозное крестьянство», ставя под сомнение включение в нее части населения колхозной деревни, являвшегося также членами колхозов (например, специалистов сельского хозяйства).

Трудности с определением социального состава сельского населения нашим обществознанием были вполне объяснимы – ведь главным критерием дифференциации сельскохозяйственного населения российской деревни, согласно принятой тогда трактовке марксизма, было отношение к собственности на средства производства. В сельском хозяйстве выявлялось существование «двух дружественных классов» – колхозного крестьянства и сельскохозяйственных рабочих (совхозников, рабочих МТС). С другой стороны, уже в 1960-е – начале 1970-х гг. советские исследователи постепенно отходили от схемы классового структурирования 1930-х гг. и обращали внимание на то, что в крестьянстве сложилось определенное количество «структурных групп», различающихся по доходам, образованию, профессиональной подготовке и т. д. [7, с. 14].

Особенно в этом плане выделялась монография Ю. В. Арутюняна, который на основе данных переписи населения 1959 г. доказывал, что на первый план в деревне этого периода выступают социально-профессиональные различия, в основе которых лежит труд, разный по количеству и функциям. В то же время он писал, что «идентичные социально-профессиональные группы колхозно-кооперативного и государственного секторов приобретают столь большое сходство, что все больше выступают внутри села в качестве слитых слоев» [1, с. 334].

По мнению Р. В. Рывкиной, именно исследование Ю. В. Арутюняна впервые в отечественной историографии поколебало общепринятые представления о социальной структуре советского общества, предложив меньший интервал структурирования, когда элементом структуры становился не класс, а социально-профессиональная группа, которая в деревне 1960-х гг. во многом теряла признак классовой характеристики [27]. Таким образом, подчеркивает Р. В. Рывкина, была выдвинута другая социальная категория анализа, что позволило выявить стратифицированность сельского населе-

ния страны и показать более сложный спектр социально-классового состава деревни, явно подвергавшийся и дальнейшей трансформации. Исследования Ю. В. Арутюняна были продолжены и развиты в работах В. И. Староверова, проводившего анализ региональных различий социальной структуры сельского населения страны. Он также зафиксировал существенные сдвиги в составе сельского населения, внутриклассовых отношениях, выявил формирование пограничных социальных групп [32].

В западной науке понимание нарастающей социальной дифференциации советского общества сложилось еще раньше, чем в нашем обществоведении, – в 1930-е гг. Этот подход базировался на концепции «стратификации», предполагавшей, что общество в XX в. делится не на классы, а на страты, определяемые такими критериями, как уровень доходов, образования, квалификации, род занятий и пр. Как известно, существует достаточно большое число теорий социальной стратификации. К. Маркс писал о расстройстве общества по принципу отношения к собственности (класс собственников и класс, лишенный собственности). М. Вебер включил в число критериев стратификации понятия статуса и престижа, П. Сорокин писал о, как минимум, трех стратификационных структурах – экономической, профессиональной и политической. В дальнейшем критерии стратификации исследователями были значительно расширены. Начиная с 1930-х гг. западные исследователи особенно настойчиво прописывали складывание в советском обществе «государственной буржуазии» – слоя «управляющих», связанного с концентрацией распределительных функций, командованием средствами производства [9; 12; 45].

Господствующему классу номенклатуры, по мнению советологов, противостоял класс государственно зависимых работников, лишенных собственности. Эта категория исследовалась гораздо менее подробно, чем «номенклатура». Тем не менее, такие исследования были. Изучение социальной структуры сельского населения 1940–1950 гг., проведенное А. Инкельсом, показывало, что крестьянство, хотя и являлось по сравнению с рабочими более гомогенной группой, все же распалось на группы «преуспевающих крестьян из колхозов-миллионеров» и «средних крестьян, включая наименее производительные и наиболее бедные группы людей» [44]. Главный вывод – и советская, и западная наука признавала стратифицированный, много-

слоиный характер российского общества 1930–1980-х гг., причем советские социологи при господстве трехчленного деления (два класса и одна прослойка) уже в 1960-е гг. достаточно далеко продвинулись в плане изучения социальной структуры российского села, выходящей за рамки трехчленной схемы.

В середине 1960-х гг. в советском обществоведении начался вполне осознанный поиск возможных подходов к изучению социальной структуры села. В коллективной монографии, посвященной изучению социально-классовой структуры СССР, вышедшей в 1968 г., выделялись три группы в колхозном социуме: во-первых, инженерно-административно-управленческий персонал колхозного производства (председатели колхозов, специалисты, механики и др.); во-вторых, механизаторы колхозного производства (трактористы, комбайнеры, шоферы и т. д.); в-третьих, колхозники, не имеющие профессиональной подготовки и специализации и занятые ручным трудом [16, с. 85–86]. Ю. В. Арутюнян, предложивший свое понимание социальной структуры села примерно в это же время, придерживался не трехчленной, а многочленной группировки колхозного крестьянства, при этом интеллигенцию и служащих он включал в состав крестьянства. А. П. Тюрина, рассматривая колхозное крестьянство как «один из основных классов советского общества», в 1970-е гг. писала о формировании в нем «определенных групп работников», среди которых группа административно-управленческого аппарата колхоза, группа специалистов, занятых в колхозном производстве, а также новая социальная категория – работники межхозяйственных предприятий [35, с. 135–154]. В. И. Староверов и другие исследователи указывали, что в 1970-е гг. наиболее многочисленным классом советской деревни стал рабочий класс (аграрные рабочие) [32].

Таким образом, изучение социальной трансформации сельского общества 1930–1980-х гг. развивалось противоречиво. С одной стороны, господствующей оставалась доктрина о сближении классов в СССР и становлении социально однородного общества. С другой стороны, обществоведы, особенно социологи, с 1960-х гг. начинают исследования социальных групп, свидетельствующие о многослойности советского общества, в том числе и сельскохозяйственного населения.

Для анализа сельскохозяйственного социума, по нашему мнению, необходимо пользоваться ка-

тегорией «класс». Категория «класс», точнее, «социальный класс», наиболее приемлема для описания крупных общественных групп, сложившихся в деревенском социуме. В современном обществознании под социальными классами понимаются большие группы людей, которые обладают сходными социально-экономическими статусами. Ряд авторов (в основном марксистской ориентации) подчеркивают, что основным фактором разделения на классы является отношение к средствам производства. Другие авторы, следуя традиции М. Вебера, акцентируют такие факторы, как политическая власть, стиль жизни, престиж, идентификации и т. д. [18]. Категория «социальный класс» удачно аккумулирует оба эти подхода и является достаточно устойчивой в мировых науках о социуме.

Объективным проявлением аграрной модернизации являлось возникновение социальных классов, занимающих разные позиции в сельскохозяйственном социуме России 1930–1980-х гг. «Привилегированное» положение в распределении аграрного продукта, распоряжении средствами производства занимал класс сельскохозяйственной *протобуржуазии*. Термин «протобуржуазия» применительно к высшему классу деревенского сообщества 1930–1980-х гг. (председателям колхозов, директорам совхозов и машинно-тракторных станций) является историографически новым, введенным в оборот авторами данной статьи [3]. В традиции советской историографии представителей этого класса относили к категории административно-управленческого аппарата, в историографии западной делались попытки определить его классовую природу. Так, Л. Д. Троцкий писал о складывании бюрократической правящей касты в СССР 1930-х гг. [34]. М. Джилас в 1950-е гг. разработал теорию «нового класса» [12]. Он считал, что этот привилегированный правящий класс СССР состоит, преимущественно, из коммунистической «партийной бюрократии» и осуществляет коллективный политический контроль над средствами производства, что и является особой формой собственности. Джилас считал, что новый класс постепенно приходил к осознанию себя как консолидированного правящего класса, что произошло в основном в период индустриализации 1930–1940-х гг. В 1950-е гг., по мысли Джиласа, данный класс настолько окреп, что мог предоставить членам определенную свободу мысли и

действий, в том числе в получении материальной выгоды.

В 1970-е гг. появился новый термин для определения «господствующего класса Советского Союза», введенный М. Восленским, – *номенклатура* [9]. По мнению М. Восленского, господство данного класса строилось на патрон-клиентских отношениях, что обеспечивало устойчивость высшим слоям номенклатуры за счет низших и позволяло осуществлять контроль над обществом.

По нашему мнению, наиболее точной является характеристика этого класса в рамках классической историографической традиции как правящего класса капиталистического общества – буржуазного. В марксизме термин «буржуазия» обозначает социальный класс, который владеет средствами производства, а его главными социальными проблемами является приращение собственности и капитала в целях обеспечения экономического господства в обществе [17]. Й. Шумпетер определял буржуазию как движущую силу капиталистического общества, которая берет на себя риски по проведению инноваций в экономике [38].

Говоря о буржуазии в советском обществе, нужно учитывать, что ее социальное переустройство шло неравномерно. В то время как одни классы, свойственные капиталистическому переустройству, полностью оформились, высший класс переживал незавершенность своего становления. Связано это было, прежде всего, с особыми идеологическими, законодательными и ментальными установками. Скорее всего, можно говорить о становлении протобуржуазных тенденций внутри социального слоя высших управленцев (а отчасти и других классов), постепенно концентрировавших возможности распределения аграрного продукта и регулирования общественного производства, осуществивших подготовку и скрытую «приватизацию» средств производства и выстроивших во многом на этой базе новый механизм социальных отношений. Крупнейшие социологи (В. И. Староверов, Т. И. Заславская) однозначно подчеркивали преемственность слоя сельских капиталистов, легитимизировавшегося после 1991 г., с верхушкой сельхозпредприятий позднего советского времени. Т. И. Заславская писала, что «большинство новых капиталов возникло и продолжает расти преимущественно за счет использования государственных средств и ресурсов, доступ к которым связан с должностным положением» [13, с. 169]. Таким образом,

определение советской сельской протобуржуазии сопряжено с возможностью частичной реализации ею прав собственности, обусловленной непосредственным местом в управленческой системе и влекущей, в конечном итоге, включение в процесс накопления капитала. Этот феномен «латентного» обуржуазивания побуждает нас использовать более точный термин, характеризующий данный социальный класс – «протобуржуазия».

Не соответствует задачам полномасштабной характеристики особой социальной категории, сформировавшейся в ходе госкапиталистического перерождения российского аграрного общества, и понятие «административно-управленческий аппарат», принятое в советской историографии для обозначения функций в колхозно-совхозном производстве. Эта социальная группа, которую мы называем «менеджеры» (применяя этот достаточно адекватный набор характеристик западный термин из-за отсутствия русскоязычного аналога), понимается нами не только как реализующая административно-управленческие функции, но и как имеющая особую роль в отправлении права собственности, характеризующаяся серьезными социально-групповыми особенностями правового и экономического статуса, социального поведения, менталитета [4].

В зарубежной науке значимость исследования менеджмента была осознана в конце XIX в. Отправной точкой изучения менеджмента стало четкое выявление разделения функций собственности и управления, что означало различие интересов группы лиц, владеющих предприятием, и группы лиц, управляющих этим предприятием. Уже в начале XX в. в западной науке сформировалась концепция «рациональной бюрократии», изучавшая большие иерархические структуры, разделение управленческого труда, введение норм и стандартов, установление должностных обязательств и ответственности менеджеров. Одним из первых новую структуру элиты заметил в конце жизни Ф. Энгельс. Комментируя распространение практики акционерных обществ, Энгельс отметил, что она привела к появлению фигуры управляющего [40, с. 227–243]. В начале XX в. эта трактовка получила развитие в трудах немецких социал-демократов – Э. Бернштейна и К. Шмидта, которые выдвинули гипотезу о том, что собственность в своей корпоративной форме есть признак наступающего процесса отчуждения сущности капитализма [6, с. 46]. Согласно этой теории, класс капиталистов постепенно вытесняется администра-

тивной стратегией, интересы которой противоположны интересам собственников.

Исследования менеджерского слоя и его роли в обществе были активно продолжены в последующие десятилетия. С начала 1930-х гг. разрабатываются проекты менеджериального общества, то есть такого, где утверждается гегемония профессиональных управляющих. А. Берль и Г. Минс в 1932 г. писали о складывании в развитых странах менеджерского слоя с широким социальным сознанием и профессиональными ценностями [41]. Наиболее явно возросшее влияние класса менеджеров заметил американец Дж. Бернхем – его книга «Революция менеджеров» вышла в 1941 г. Яркой отличительной чертой мировоззрения этого автора было мнение о том, что менеджеры действуют в своих собственных особых интересах. Интересно, что, по мнению Бернхема, власть в России уже в то время перешла к менеджерам, ибо тот, кто контролирует производство, тот и собственник. Буквально Бернхем писал, что именно с России начинается «мировая революция менеджеров» [42]. Обсуждение концепции революции менеджеров (managerial revolution), под которой понимается рост числа и профессионализации менеджеров, не владеющих компаниями, которыми они управляют, развивалось в последующий период. В 1950-е гг. изучение роли менеджеров продолжили известные экономисты, социологи П. Друкер [43], П. Сорокин [31], Т. Парсонс [24]. Парсонс, к примеру, писал о переходе контроля над производством от собственников к управленческому и техническому персоналу, Сорокин – о трансформации капиталистического класса в менеджерский, а Д. Белл [5] даже назвал этот процесс «молчаливой революцией». Таким образом, исследователи в первой половине – середине XX в. констатировали отделение собственности от контроля: собственники, передав функции управления наемным менеджерам, теряют контроль над своим бизнесом. Во-вторых, ученые были солидарны в том, что происходящая глобальная социальная трансформация общества приводит к возрастанию роли менеджеров (управленцев) в производстве и формированию их групповых интересов, отличных от интересов собственника.

Термин «менеджер» в современных общественных науках трактуется как «наемный работник, занятый профессиональной организаторской деятельностью в органах управления предприятия, наделенный субъектом собственности определенными полномочиями», термин «менедж-

мент» – как вид деятельности по руководству людьми в самых разнообразных организациях [37].

В практике советского периода термины «менеджер», «менеджмент» в отношении экономики СССР не применялись. Устойчивым словосочетанием, употреблявшимся в советской практике и характеризующим управленческую пирамиду, являлось выражение «административно-управленческий аппарат». Советское руководство категорически противопоставляло советское управление и менеджмент в западных государствах. В 1989 г., например, в газете «Правда» отмечалось: «Есть у нас политика партии, научное политическое руководство, а управление, менеджизм – западное, “буржуазное” изобретение» [25]. Тем не менее, в СССР никогда не отрицалось, что любое предприятие является управляемым. Более того, улучшение управления производством всегда было одной из провозглашаемых социалистических перспектив. Следовательно, управленчество в советских общественных науках выделялось как вид общественной деятельности, хотя официально и не признавалось в качестве профессии.

Однако жизненные реалии заставляли советских социологов и правоведов размышлять об управленческом слое, в том числе и советской деревни. Например, в 1960-е гг. в правоведении активно обсуждался вопрос, кого можно относить к должностным лицам колхоза. В частности, И. В. Павлов для характеристики деятельности должностных лиц выдвигал в качестве главного признака управление, имея в виду управление людьми. При этом данный автор считал, что к их числу следует относить и тех, кто хотя и не имеет в своем подчинении других лиц, но совершает определенные распорядительные действия, влекущие за собой соответствующие правовые последствия для окружающих [22, с. 187]. Позднее И. В. Павлов, И. А. Коэткина и др. пришли к выводу о том, что к должностным лицам в колхозе относятся работники, осуществляющие административно-хозяйственные и оперативно-распорядительные функции [21, с. 311–312; 15, с. 12]. Тогда же И. Ф. Панкратов определил круг должностных лиц колхозов по содержанию выполняемых действий: 1) лица, осуществляющие руководство или управление тем или иным участком деятельности колхоза; 2) лица, выполняющие ревизионно-контрольные, счетоводческие и тому подобные функции, не имеющие в своем подчинении других работников, но могущие совершать

распорядительные действия в отношении их (счетоводы, члены ревизионных комиссий, сторожа и др.); 3) материально ответственные лица [23, с. 17]. Об особых группах лиц, осуществляющих управленческие функции в сельском хозяйстве, говорили в 1960–1970-х гг. и социологи. Так, А. А. Амвросов в публикации 1968 г. выделял группу административно-управленческого персонала колхозного производства: председателей колхозов, их заместителей, бухгалтеров, заведующих различными фермами, бригадиров и др. [16, с. 85–86]. В. Б. Островский в работе 1977 г. выделял среди четырех социально-профессиональных групп колхозной деревни группу «инженерно-технического персонала, специалистов и организаторов сельского хозяйства». В частности, к организаторам В. Б. Островский относил бригадиров производственных бригад, заведующих животноводческими фермами, счетных работников, кладовщиков и др. [19, с. 215–216]. Советские историки канонизировали разработанную другими обществоведами схему социальных группировок сельского населения в обобщающем труде по истории советского крестьянства, вышедшем во второй половине 1980-х гг. В частности, говоря о жизни колхозной деревни 1930-х гг., они отметили «углубляющееся разделение труда», в том числе складывание группы «административно-управленческого персонала колхозов». Создатели этого фундаментального труда зафиксировали складывание уже в 1930-х гг. «управленческого аппарата», который «состоял из руководителей среднего звена. Это представители профессий, связанных с новыми формами организации труда: бригадиры полеводческих и животноводческих бригад, зав. животноводческими фермами ... По социальному положению, по связи с собственностью они являлись колхозниками, но характер их труда был по преимуществу управленческим» [14, с. 368].

Управленческая страта в сельскохозяйственных предприятиях, как мы видели выше, вполне четко выявлялась советскими обществоведами второй половины XX в. При этом отмечались общие черты этой категории: занятие определенной должности, организационно-распорядительские, учетные или контрольные функции, наличие людей в подчинении, необходимость определенного опыта и подготовки. Исследователи советского времени проводили, хотя и не вполне явно, различие между руководством и управлением сельскохозяйственным предприятием. В то же время использование термина

«управленцы» заставляло их делать пояснения относительно тех, кто выполнял не столько управленческие, сколько контрольные, ревизионные, распорядительные и прочие функции. Но напрашивающийся и общепринятый в мировой практике термин «менеджеры» относительно рассматриваемой группы в советское время так и не был введен. На наш взгляд, это время давно пришло, так как основные характеристики, данные мировой наукой управленцам, позволяют говорить о сформировавшейся в сельском хозяйстве социальной группе как о классе сельскохозяйственных менеджеров.

К сельскохозяйственным менеджерам 1930–1980-х гг. мы относим управленцев и распорядителей ресурсов. Большинство управленческих должностей было определено в Примерном уставе сельхозартели 1935 г.: бригадиры, заведующие товарными фермами, бухгалтеры и счетоводы. Колхозное и совхозное производство потребовало введения должностей кладовщиков, приемщиков, весовщиков, раздатчиков, учетчиков и др. В совхозном менеджменте большую роль играл управляющий отделением совхоза.

Кроме места в управленческой иерархии, важное значение в характеристике менеджеров принадлежит их месту в отношениях собственности. Менеджмент (управление) неразрывно связан с реализацией прав собственности. Э. О. Райт в 1980 г. в журнале “Politics & Society” высказал идею о позициях, возникающих в процессе производства, и о том, что эти позиции имеют способность контролировать какой-либо ресурс (либо быть отчужденным от контроля). Аспекты контроля могут включать контроль над *денежным капиталом*, то есть потоком инвестиций в производство и направлением процесса накопления; контроль над *физическим капиталом*, то есть реальными средствами производства в рамках процесса производства; а также контроль над *трудом*, трудовой деятельностью непосредственных производителей в рамках производства. Первый из этих аспектов часто называют «реальной экономической собственностью»; второй и третий вместе называют «распоряжением» [26]. По мнению Райта, в иерархии этих аспектов социальных отношений на первом месте стоит контроль над денежным капиталом, который структурирует и ограничивает контроль над физическим капиталом, в свою очередь, ограничивающим контроль над трудом в рамках производства. В соответствии с этим подходом нами

выделяются основные группы социальной категории менеджеров.

Протобуржуазия и менеджеры в российской деревне 1930–1980-х гг. представляли собой разные социальные классы. Сравним их существенные черты, используя для удобства табличный формат.

Собственники (протобуржуазия)	Менеджеры
1. Низший протобуржуазный элемент в реализации разделенного права собственности	1. Первый (после собственника – председателя, директора) в социальной деревенской лестнице среди остальных категорий сельскохозяйственного населения
2. На первом месте функция собственника, на втором – управления	2. На первом месте функция управленца, на втором – собственнические проявления
3. Материальное положение и другие характеристики качества жизни имели в основном легитимное происхождение	3. В наибольшей степени подвержены проявлениям нелегитимного характера в обеспечении качества жизни
4. Склонность к единоличной реализации протобуржуазных интересов	4. Стремление к кланово-групповым способам реализации классовых интересов
5. Направленность смены основных социально-психологических установок: от «любой ценой выполнить задание» (в основном по обеспечению товарности сельхозпродукции) до широкой предприимчивости	5. Направленность смены основных социально-психологических установок: от психологии «приказчика», «десятского» до весьма образованного интеллектуала-управленца, вполне готового к приватизации государственно-капиталистического наследства

Применение новых дефиниций для характеристики высших социальных классов колхозно-совхозной деревни позволит исторической науке продвинуться вперед в изучении социальной жизни советской России, определять ее существенные признаки, под новым углом зрения ставить и разрешать вопросы характеристики социально-экономического строя России советского периода.

Библиографический список

1. Арутюнян, Ю. В. Социальная структура сельского населения СССР [Текст] / Ю. В. Арутюнян. – М.: Мысль, 1971. – 376 с.
2. Безнин, М. А. Капитализация в российской деревне 1930–1980-х гг. [Текст] / М. А. Безнин, Т. М. Димони. – М.: Либроком, 2009. – 129 с.
3. Безнин, М. А. Протобуржуазия в сельском хозяйстве России 1930–1980-х гг. (новый подход к социаль-

ной истории российской деревни) [Текст] / М. А. Безнин, Т. М. Димони. – Вологда, 2008. – 56 с.

4. Безнин, М. А. Менеджеры в сельском хозяйстве России 1930–1980-х гг. (новый подход к социальной истории российской деревни) [Текст] / М. А. Безнин, Т. М. Димони. – Вологда: Легия, 2009. – 114 с.

5. Белл, Д. Грядущее постиндустриальное общество: Образец социального прогнозирования [Текст] / Д. Белл. – М.: Академия, 2004. – 578 с.

6. Бернштейн, Э. Очерки из истории и теории социализма [Текст] / Э. Бернштейн. – СПб.: Изд. Б. Н. Звонарева, 1902. – 400 с.

7. Внутрикласовые изменения крестьянства [Текст] : сб. статей / редколлегия: М. А. Бабич, Г. П. Давидюк, Е. Х. Капелян, К. А. Потапенко. – Минск: Наука и техника, 1966.

8. Волков, И. М. Трудовой подвиг колхозного крестьянства в послевоенные годы. Колхозы СССР в 1946–1950 гг. [Текст] / И. М. Волков. – М.: Мысль, 1972. – 293 с.

9. Восленский, М. С. Номенклатура. Господствующий класс Советского Союза [Текст] / М. С. Восленский. – М.: Изд-во «Захаров», 2005. – 294.

10. Вылцан, М. А. Завершающий этап создания колхозного строя (1935–1937) [Текст] / М. А. Вылцан. – М., 1978. – 263 с.

11. Вылцан, М. А. Советская деревня накануне Великой Отечественной войны (1938–1941) [Текст] / М. А. Вылцан. – М.: Политиздат, 1970. – 100 с.

12. Джилас, М. Лицо тоталитаризма [Текст] / М. Джилас. – М.: Новости, 1992. – 539 с.

13. Заславская, Т. И. Социальная структура России: главные направления перемен [Текст] // Т. И. Заславская. Куда идет Россия?.. Общее и особенное в современном развитии. – М., 1997. – С. 168–176.

14. История крестьянства СССР. История советского крестьянства. М., 1986. Т. 2. Советское крестьянство в период социалистической реконструкции народного хозяйства. Конец 1927–1937 [Текст]. – М., Наука, 1986. – 448 с.

15. Коэткина, И. А. Материальная ответственность должностных лиц в колхозе [Текст] / И. А. Коэткина. – М., 1957.

16. Классы, социальные слои и группы в СССР [Текст] / отв. ред. Ц. А. Степанян и В. С. Семенов. – М., Наука, 1968. – 227 с.

17. Маркс, К. Манифест Коммунистической партии [Текст] / К. Маркс. – М., 1979.

18. Оксфордский толковый словарь по психологии [Текст] / под ред. А. Ребера : в 2-х тт: Т. 1 / пер. с англ. Е. Ю. Чеботарева. – М.: Вече АСТ, 2003. – 592 с.

19. Островский, В. Б. Новый этап в развитии колхозного строя [Текст] / В. Б. Островский. – М., 1977.

20. Островский, В. Б. Колхозное крестьянство СССР. Политика партии и ее социально-экономические результаты [Текст] / В. Б. Островский. – Саратов: Изд-во Саратовского университета, 1967.

21. Павлов, И. В. Колхозное право [Текст] / И. В. Павлов. – М., 1960.
22. Павлов, И. В. Правовые формы управления делами в колхозах [Текст] / И. В. Павлов. – М., 1955.
23. Панкратов, И. Ф. Ответственность должностных лиц колхоза [Текст] / И. Ф. Панкратов. – М., 1959.
24. Парсонс, Т. О структуре социального действия [Текст] / Т. Парсонс. – М., Академический проект, 2000. – 880 с.
25. Правда. – 1989. – 8 сентября.
26. Райт, Э. О. Марксистские концепции классовой структуры [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://scepsis.ru/library/id_608.html
27. Рывкина, Р. В. Социология села [Текст] // Социология в России / под ред. В. А. Ядова. – М., 1998.
28. Сдобнов, С. И. Советская деревня на пути социального прогресса [Текст] / С. И. Сдобнов. – М., 1976.
29. Сенявский, С. Л. Изменения в социальной структуре советского общества. 1938–1970 [Текст] / С. Л. Сенявский. – М., 1973.
30. Симуш, П. И. Социальный портрет советского крестьянства [Текст] / П. И. Симуш. – М., 1976.
31. Сорокин, П. Социальная стратификация и мобильность [Текст] // П. Сорокин. Человек. Цивилизация. Общество. – М., 1992.
32. Староверов, В. И. Социальная структура сельского населения СССР на этапе развитого социализма [Текст] / В. И. Староверов. – М., 1978.
33. Трапезников, С. П. Ленинизм и аграрно-крестьянский вопрос [Текст] / С. П. Трапезников : в 2-х т. – М., 1967. – Т. 2.
34. Троцкий, Л. Д. Преданная революция [Текст] / Л. Д. Троцкий. – М., 1991.
35. Тюрина, А. П. Колхозное крестьянство в социальной структуре развитого социалистического общества [Текст] // Ленинский кооперативный план и современная деревня : сб статей. – Ростов н/Д: Изд-во Ростовского университета, 1980.
36. Тюрина, А. П. Социально-экономическое развитие советской деревни 1965–1980 [Текст] / А. П. Тюрина. – М., 1982. – 234 с.
37. Менеджер // Глоссарий.ru [Электронный ресурс]. – Режим доступа: / http://www.glossary.ru/cgi-bin/gl_sch2.cgi?RMltlkmw; http://www.glossary.ru/cgi-bin/gl_sch2.cgi?RMltlkmstly.
38. Шумпетер, Й. Капитализм, социализм, демократия [Текст] / Й. Шумпетер. – М., 1995. – 540 с.
39. Экономический строй социализма [Текст] : в 3 т. – М., 1984.
40. Энгельс, Ф. К критике проекта социал-демократической программы 1891 года [Текст] // Маркс К., Энгельс, Ф. Сочинения. – 2 изд-е. – М., 1962. Т. 22.
41. Berle, A. A. The Modern Corporation and Private Property [Текст] / A. A. Berle, G. C. Means. – New York, Macmillan, 1932.
42. Bernham J. The Managerial Revolution. What is Happening in the World / J. Bernham. – N. Y., 1941.
43. Drucker P. The Practice of Management / P. Drucker / N. Y., 1954. – 404 с.
44. Inkels A. Social structure and mobility in the Soviet Union 1940–1950 // A. Inkels. Social stratification / J. Lopreato ed. N. Y., 1951.
45. Nove A. Political Economy and Soviet Socialism / A. Nove. London: George Allen & Unwin, Inc., 1979.
46. Schmidt C. Die Durchschnittsprofitrate auf Grundlage des Marx'schen Werthgesetzes / C. Schmidt. Stuttgart, Dietz, 1889.

Bibliograficheskiy spisok

1. Arutyunyan, YU. V. Sotsial'naya struktura sel'skogo naseleniya SSSR [Текст] / YU. V. Arutyunyan. – М.: Mysl', 1971. – 376 с.
2. Beznin, M. A. Kapitalizatsiya v rossijskoj derevne 1930–1980-kh gg. [Текст] / М. А. Beznin, Т. М. Dimoni. – М.: Librokom, 2009. – 129 с.
3. Beznin, M. A. Protoburzhuaziya v sel'skom khozyajstve Rossii 1930–1980-kh gg. (novyj podkhod k sotsial'noj istorii rossijskoj derevni) [Текст] / М. А. Beznin, Т. М. Dimoni. – Vologda, 2008. – 56 с.
4. Beznin, M. A. Menedzhery v sel'skom khozyajstve Rossii 1930–1980-kh gg. (novyj podkhod k sotsial'noj istorii rossijskoj derevni) [Текст] / М. А. Beznin, Т. М. Dimoni. – Vologda: Legiya, 2009. – 114 с.
5. Bell, D. Gryadushhee postindustrial'noe obshchestvo: Obrazets sotsial'nogo prognozirovaniya [Текст] / D. Bell. – М.: Akademiya, 2004. – 578 с.
6. Bernshtejn, EH. Ocherki iz istorii i teorii sotsializma [Текст] / EH. Bernshtejn. – SPb.: Izd. B. N. Zvonareva, 1902. – 400 с.
7. Vnutriklassovye izmeneniya krest'yanstva [Текст] : sb. statej / redkollegiya: M. A. Babich, G. P. Davidyuk, E. X. Kapelyan, K. A. Potapenko. – Minsk: Nauka i tekhnika, 1966.
8. Volkov, I. M. Trudovoj podvig kolkhoznogo krest'yanstva v poslevoennye gody. Kolkhozy SSSR v 1946–1950 gg. [Текст] / I. M. Volkov. – М.: Mysl', 1972. – 293 с.
9. Voslenskij, M. S. Nomenklatura. Gospodstvuyushhij klass Sovetskogo Soyuza [Текст] / M. S. Voslenskij. – М.: Изд-во «Zakharov», 2005. – 294.
10. Vyltsan, M. A. Zavershayushhij etap sozdaniya kolkhoznogo stroya (1935–1937) [Текст] / М. А. Vyltsan. – М., 1978. – 263 с.
11. Vyltsan, M. A. Sovetskaya derevnya nakanune Velikoj Otechestvennoj vojny (1938–1941) [Текст] / М. А. Vyltsan. – М.: Politizdat, 1970. – 100 с.
12. Dzhilas, M. Litso totalitarizma [Текст] / M. Dzhilas. – М.: Novosti, 1992. – 539 с.
13. Zaslavskaya, T. I. Sotsial'naya struktura Rossii: glavnye napravleniya peremen [Текст] // Т. I. Zaslavskaya. Kuda idet Rossiya?.. Obshhee i osobnoe v sovremennom razvitii. – М., 1997. – С. 168–176.
14. Istoriya krest'yanstva SSSR. Istoriya sovetskogo krest'yanstva. М., 1986. Т. 2. Sovetskoe krest'yanstvo v

period sotsialisticheskoy rekonstruktsii narodnogo khozyajstva. Konets 1927–1937 [Tekst]. – M., Nauka, 1986. – 448 s.

15. Koetkina, I. A. Material'naya otvetstvennost' dolzhnostnykh lits v kolkhoze [Tekst] / I. A. Koetkina. – M., 1957.

16. Klassy, sotsial'nye sloi i gruppy v SSSR [Tekst] / otv. red. TS. A. Stepanyan i V. S. Semenov. – M., Nauka, 1968. – 227 s.

17. Marks, K. Manifest Kommunisticheskoy partii [Tekst] / K. Marks. – M., 1979.

18. Oksfordskij tolkovyj slovar' po psikhologii [Tekst] / pod red. A. Rebera : v 2-kh tt: T. 1 / per. s angl. E. YU. CHEbotareva. – M.: Veche AST, 2003. – 592 s.

19. Ostrovskij, V. B. Novyj ehtap v razvitii kolkhoznogo stroya [Tekst] / V. B. Ostrovskij. – M., 1977.

20. Ostrovskij, V. B. Kolkhoznoe krest'yanstvo SSSR. Politika partii i ee sotsial'no-ehkonomicheskie rezul'taty [Tekst] / V. B. Ostrovskij. – Saratov: Izd-vo Saratovskogo universiteta, 1967.

21. Pavlov, I. V. Kolkhoznoe pravo [Tekst] / I. V. Pavlov. – M., 1960.

22. Pavlov, I. B. Pravovye formy upravleniya delami v kolkhozakh [Tekst] / I. V. Pavlov. – M., 1955.

23. Pankratov, I. F. Otvetstvennost' dolzhnostnykh lits kolkhoza [Tekst] / I. F. Pankratov. – M., 1959.

24. Parsons, T. O strukture sotsial'nogo dejstviya [Tekst] / T. Parsons. – M., Akademicheskij proekt, 2000. – 880 s.

25. Pravda. – 1989. – 8 sentyabrya.

26. Rajt, EH. O. Marksistskie kontseptsii klassovoj struktury [EHlektronnyj resurs]. – Rezhim dostupa: http://scepis.ru/library/id_608.html

27. Ryvkina, R. V. Sotsiologiya sela [Tekst] // Sotsiologiya v Rossii / pod red. V. A. YAdova. – M., 1998.

28. Sdobnov, S. I. Sovetskaya derevnya na puti sotsial'nogo progressa [Tekst] / S. I. Sdobnov. – M., 1976.

29. Senyavskij, S. L. Izmeneniya v sotsial'noj strukture sovetskogo obshhestva. 1938–1970 [Tekst] / S. L. Senyavskij. – M., 1973.

30. Simush, P. I. Sotsial'nyj portret sovetskogo krest'yanstva [Tekst] / P. I. Simush. – M., 1976.

31. Sorokin, P. Sotsial'naya stratifikatsiya i mobil'nost' [Tekst] // P. Sorokin. CHElovek. TSivilizatsiya. Obshhestvo. – M., 1992.

32. Staroverov, V. I. Sotsial'naya struktura sel'skogo naseleniya SSSR na ehtape razvitogo sotsializma [Tekst] / V. I. Staroverov. – M., 1978.

33. Trapeznikov, S. P. Leninizm i agrarno-krest'yanskij vopros [Tekst] / S. P. Trapeznikov : v 2-kh t. – M., 1967. – T. 2.

34. Trotskij, L. D. Predannaya revolyutsiya [Tekst] / L. D. Trotskij. – M., 1991.

35. Tyurina, A. P. Kolkhoznoe krest'yanstvo v sotsial'noj strukture razvitogo sotsialisticheskogo obshhestva [Tekst] // Leninskij kooperativnyj plan i sovremennaya derevnya : sb statej. – Rostov n/D: Izd-vo Rostovskogo universiteta, 1980.

36. Tyurina, A. P. Sotsial'no-ehkonomicheskoe razvitie sovetskoy derevni 1965–1980 [Tekst] / A. P. Tyurina. – M., 1982. – 234 s.

37. Menedzher // Glossarij ru [EHlektronnyj resurs]. – Rezhim dostupa: / http://www.glossary.ru/cgi-bin/gl_sch2.cgi?RMltkmlw; http://www.glossary.ru/cgi-bin/gl_sch2.cgi?RMltkmsly.

38. SHumpeter, J. Kapitalizm, sotsializm, demokratiya [Tekst] / J. SHumpeter. – M., 1995. – 540 s.

39. EHkonomicheskij stroj sotsializma [Tekst] : v 3 t. – M., 1984.

40. EHngel's, F. K. kritike proekta sotsialdemokraticeskoy programmy 1891 goda [Tekst] // Marks K., EHngel's, F. Sochineniya. – 2 izd-e. – M., 1962. T. 22.

41. Berle, A. A. The Modern Corporation and Private Property [Tekst] / A. A. Berle, G. C. Means. – New York, Macmillan, 1932.

42. Bernham J. The Managerial Revolution. What is Happening in the World / J. Bernham. – N. Y., 1941.

43. Drucker R. The Practice of Management / P. Drucker / N. Y., 1954. – 404 s.

44. Inkels A. Social structure and mobility in the Soviet Union 1940–1950 // A. Inkels. Social stratification / J. Lopreato ed. N. Y., 1951.

45. Nove A. Political Economy and Soviet Socialism / A. Nove. London: George Allen & Unwin, Inc., 1979.

46. Schmidt S. Die Durchschnittsprofitrate auf Grundlage des Marx'schen Werthgesetzes / S. Schmidt. Stuttgart, Dietz, 1889.